

Научная статья

УДК159.964.26, 130.2, 821.161.1

doi: 10.17223/22220836/46/11

ОБРАЗ FEMME FATALE В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТРУКТУРНОГО ПСИХОАНАЛИЗА ЖАКА ЛАКАНА

Ксения Анатольевна Семенюк¹, Антон Павлович Семенюк²

^{1,2} *Сибирский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации, Томск, Россия*

¹ *marcelp@yandex.ru*

² *apsemenyuk76@gmail.com*

Аннотация. Интерес психоанализа к творчеству Достоевского обусловлен созвучием теоретического и литературного дискурсов в интерпретации бессознательных мотивов, детерминирующих поведение человека. Наиболее яркое воплощение идей Фрейда, оказавшее влияние на современную философию, мы находим у Жака Лакана, чьи концепции субъекта, поглощенного языком, и наслаждения позволяют эксплицировать конструкцию *femme fatale*, которой можно описать ряд женских персонажей Достоевского.

Ключевые слова: *femme fatale*, наслаждение, структурный психоанализ, нарциссичность, истерия

Для цитирования: Семенюк К.А., Семенюк А.П. Образ *femme fatale* в творчестве Достоевского сквозь призму структурного психоанализа Жака Лакана // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 140–148. doi: 10.17223/22220836/46/11

Original article

THE IMAGE OF FEMME FATALE IN DOSTOEVSKY'S WORK THROUGH THE PRISM OF THE STRUCTURAL PSYCHOANALYSIS OF JACQUES LACAN

Xenia A. Semenyuk¹, Anton P. Semenyuk²

^{1,2} *Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *marcelp@yandex.ru*

² *apsemenyuk76@gmail.com*

Abstract. The interest of psychoanalysis to Dostoevsky's work is due to the consonance of theoretical and literary discourses in the interpretation of unconscious motives that determine human behavior. The most vivid embodiment of Freud's ideas, which influenced modern philosophy, we find in Jacques Lacan, whose concepts of the subject absorbed in language and pleasure allow us to explicate the construction of *femme fatale*, which can describe a number of female characters of Dostoevsky. In fact, we can talk about Freud's discovery of a hysterical subject, which will later be described by Lacan no longer as a mental pathology, but as one of the structures of the psyche, along with psychotic and perverse. Removing the veneer of simplifying biologism from Freud's ideas, Lacan gives them a new sound in the

light of structural linguistics, which fits them into the mainstream of the linguistic turn of philosophy.

The interpretation of a number of female images of Dostoevsky carried out in this article through the prism of the Lacanian categorical apparatus allows, on the one hand, to explicate one of the constructs of his novels, and on the other – to draw parallels between the writer's intuitive insights and theoretical findings of the second half of the XX century.

The phenomenon of femme fatale is considered on the material of two female characters of Dostoevsky (NastasiaFilippovna and Grushenka), whose obvious hysterical and narcissistic character traits most fully correspond to the image of femme fatale. In addition, the authors argue that femme fatale is primarily a phenomenon of language, that is, the more people talk about it, the more fatal it becomes in the eyes of others. Femme fatale realizes the enjoyment of speech and the capture of the subject by language. The authors consider the aspect of enjoying speech to be an obligatory structural component of this construction.

Femme fatale is one of the faces of a Beautiful lady, who, as Lacan writes, is inaccessible to male desire, so the only pleasures that he can afford are fantasy and the enjoyment of speech. However, when he speaking about a woman, a man puts his subjectivity on the line, since the pleasure of the fullness or the pleasure of Another is outside the field of the imaginary and symbolic, and only in them can the subject exist. The desired meeting according to Lacan ends with madness or death, which Dostoevsky demonstrates to us with virtuosity in the scene after the murder of NastasiaFilippovna by Rogozhin. In his heroines, Dostoevsky, with the flair of a psychoanalyst, fixes the mechanism that triggers the utterance of a symptom and the enjoyment of speech which provoke the desire to possess and at the same time do not allow its realization, forcing the male heroes to circle around the object of desire in endless repetition and involving more and more victims in this circle. Signifiers cling to signifiers, finding the axis of rotation in the symbolic phallus – the femme fatale.

Keywords: femme fatale, enjoyment, structural psychoanalysis, narcissism, hysteria

For citation: Semenyuk, X.A. & Semenyuk, A.P. (2022) The image of femme fatale in Dostoevsky's work through the prism of the structural psychoanalysis of Jacques Lacan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universita. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 46. pp. 140–148. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/46/11

Психоаналитики проявляли интерес к творчеству Достоевского с самого зарождения психоанализа как особой формы дискурса, практики терапии психических заболеваний и практики самопознания, находя в образах его героев гениальные прозрения «психоаналитика до появления психоанализа». Публикация на немецком языке романа «Братья Карамазовы» сопровождается вводной статьей, которую издательство заказало Фрейду, хотя, безусловно, он не являлся специалистом по русской литературе [1]. Члены Венского психоаналитического общества, иллюстрируя психоаналитические идеи, не раз цитируют именно Достоевского. Среди вопросов, поднятых Фрейдом, был и тот, который в современном мире стал культурным клише – «Чего хочет женщина?». Появление психоанализа как отдельной дисциплины стартует с работ Фрейда, посвященных его пациенткам-женщинам и феномену женской истерии. Фактически мы можем говорить об открытии Фрейдом истерического субъекта, который в последующем будет описан Лаканом уже не как психическая патология, а как одна из структур психики, наряду с психотической и перверсивной. Сняв с идей Фрейда налет упрощающего их биологизма, Лакан дает им новое звучание в свете структурной лингвистики, чем вписывает их в мейнстрим лингвистического поворота философии.

Истерический невроз в терминологии Лакана – это уже не болезнь, это механизм субъективации. Лакан утверждает: «Психоанализ должен быть наукой о языке, в котором обитает субъект. Человек, с точки зрения Фрейда, это субъект, плененный языком» [2. С. 332]. Парадоксальным образом жен-

щина, исторически являющаяся в культуре в качестве объекта обмена, оказывается в центре психоаналитической рефлексии о человеческой субъективности, а творчество Достоевского предоставляет нам образчики ярчайших женских образов в мировой литературе. Цель данной статьи, таким образом, предполагает, что интерпретация ряда женских образов Достоевского сквозь сетку лакановского категориального аппарата позволит нам, с одной стороны, эксплицировать один из конструктов его романов, а с другой – провести параллели между интуитивными прозрениями писателя и теоретическими находками второй половины XX в.

Тема роковой женщины стала в последние годы одной из излюбленных и актуальных тем массовой культуры, так как, по всей видимости, демонстрирует тот тип женской идентичности, который несколько компенсирует перегибы феминизма [3] и фиксируемой рядом авторов полоролевой андрогинии [4], набирающей обороты в современном мире.

В рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть феномен *femme fatale* на материале двух женских персонажей Достоевского (Настасьи Филипповны и Грушеньки), чьи явные истерические и нарциссические черты характера наиболее полно соответствуют тому, что большинством авторов почитается за необходимые составляющие образа *femme fatale*. Кроме того, у любой *femme fatale* есть одна очень характерная особенность – от времен библейских до современности она есть по преимуществу феномен языка, т.е. чем больше о ней говорят, тем более роковой в глазах окружающих она становится, реализуя тем самым наслаждение речи, захваченность и пленение субъекта языком. Аспект наслаждения речи мы полагаем обязательной структурной составляющей данной конструкции, которому тем не менее в исследовательской литературе уделено не так много внимания.

Действительно, как и в Европе, «одна из основных проблем, с которой столкнулась русская культура в конце 19 века – это проблема женской истерии. Достоевский был одним из первых писателей, обнаружившим этот феномен и попытавшимся его зафиксировать в своих знаменитых романах в различных образах „женской русской души“. Истерическая женщина – это и есть, оказывается, „настоящая“ русская женщина с ее подлинной мятущейся душой» [5]. Большинство женских персонажей Достоевского так или иначе маркированы истерическими чертами. Что имеется в виду? Современные учебники психиатрии квалифицируют истерический невроз как «психогенное функциональное заболевание, основным проявлением которого бывают разнообразные соматические расстройства, возникающие по механизму самовнушения» [6. С. 676], т.е. даже в рамках медицинских дефиниций мы можем увидеть, что тело выговаривает то, что по каким-либо причинам не может сказать душа. Перейдя же на аналитическую позицию, мы видим перед собой прежде всего структуру, которая определенным образом консолидируется в ответ на запрет, выдвигаемый Законом, т.е. культурой. В случае с истерией симптом – это возвращение вытесненного желания посредством тела – своеобразный компромисс между Законом и желанием. Оттого героини Достоевского так импульсивны, театральны, амбивалентны и деструктивны в своих поступках, что не знают, чего они в конечном итоге хотят. Часто используемые Достоевским слова «страсть», «страстность» и связанное с ними «страдание» коррелируют с лакановским термином «желание», которое есть зазор

между потребностью, продиктованной телом, и запросом, возникающим в поле языка. Желание, таким образом, не может быть удовлетворено никогда, потому и страстные героини Достоевского говорят одно, делают другое, желают третьего. Однако при всем том, что этих характеристик предостаточно у всех женских персонажей Достоевского, мы обнаруживаем только двух настоящему роковых женщин: Настасья Филипповна из романа «Идиот» и ее более поздняя «версия» Грушенька – предмет отчаянного дележа отца и сына в «Братьях Карамазовых». Какие такие дополнительные «опции» должна содержать в себе конструкция *femme fatale*, чтобы быть способной на поистине разрушающие действия как в судьбе связанных с ней мужчин, так и в своей собственной? Оба персонажа – это содержанки, пережившие соvrращение своими покровителями, что в итоге сопровождается глубокой нарциссической травмой и восприятием себя как великих грешниц. Собственный образ, если следовать лакановской логике, мы получаем на «стадии зеркала», когда Другой (в роли его чаще всего выступает мать) показывает нам нас. Завороженность образом, через которую проходит ребенок, это одновременно и отчуждение образа, и зависимость от Другого, так без него бы мы себя и не увидели. Нарциссизм в таком случае есть первичный этап в социализации ребенка. Любая психотравмирующая ситуация всегда является ударом по идеальному Я человека (образу) и предполагает возвращение на нарциссическую позицию. Безусловно, содержанка будет отыгрывать, компенсировать свой распадающийся идеальный образ, что с успехом и делают обе героини.

В случае Настасьи Филипповны подобное возвращение себе себя выглядит особенно выпукло: «Она убеждена, что была невинной девочкой, но вот развратник Тоцкий превратил ее в уличную девку, и теперь она – человек конченный. Именно из этого убеждения она и строит свое поведение: одушевляется злобой и устраивает целые представления, имеющие своей целью продемонстрировать свою оскорбленность» [7. С. 219]. Впрочем, и действия более мягкой во всех смыслах этого слова Грушеньки (Достоевский описывает ее такими эпитетами, как «полнота», «округлость», «кипень», «изнеженность до slashавой выделки») обнаруживают дьявольскую злобу ко всем, кто ее обижает. Истеричная и нарциссичная женщина провоцирует мужское желание по определенным причинам. Истерия, как мы уже упоминали выше – это особая структура и способ спросить о своем существовании в свете господствующего означающего (фаллоса). Истерия спрашивает: «Мужчина я или женщина?», и в зависимости от того, как мы отвечаем на этот вопрос, так и выстраиваем свои отношения с привилегированным означающим. Женщина решает этот вопрос через глагол «быть», т.е. быть тем самым символическим фаллосом, объектом желания. Мужчина – через глагол «иметь», т.е. иметь как можно больше символического наполнения. Правда, стоит добавить, что реализовать как один, так и другой сценарий невозможно, поэтому мужчина всегда самозванец, а женщина только и делает, что меняет маски. Лакан уточняет, что мужчина и женщина – это всего лишь означающие, поэтому от мужской позиции может выступать и биологическая женщина, а от женской – мужчина. Истеричка Настасья Филипповна только и делает, что демонстрирует свою фалличность: запугивает публичным скандалом Тоцкого перед женитьбой, показывает Гане Иволгину, как он жалок, кидая деньги в камин, переходит от Рогожина к Мышкину и обратно. Таким же образом

поступает и Грушенька. Очень интересен ее разговор с невестой Мити Екатериной Ивановной. Перед нами две соперницы за сердце одного мужчины, иначе говоря, двойники. Речь Екатерины Ивановны, желающей побороть Грушеньку своей либеральностью взглядов и демократичностью, пропитана откровенным гомоэротизмом. Она пытается победить двойник через отождествление с ним, т.е. через приобщение к ее, Грушеньки, фалличности. Однако Грушенька переворачивает сцену с ног на голову и, нарушая все установки приличного общества (но Грушенька уже «по ту сторону» приличного общества – она содержанка, так что в более выгодной позиции), работает на уничтожение двойника, устраивая скандал.

Нарциссичная женщина не способна к переносу либидо на объект, так как ей самой для поддержания собственного «Я» оно необходимо. Поддерживать образ можно лишь за счет постоянного воспроизводства себе своего образа в глазах другого. И если Грушенька все-таки в итоге способна к преобразованию личности, то Настасья Филипповна – апофеоз нарциссизма. Она с мазохистским упоением постоянно возвращается к травме прошлого, чтобы переживать ее вновь и вновь. Провоцируя мужчину отражать себя, она тем не менее не дает ему никакого либидного ответа, тем самым заставляя его отражать себя заново. Мы здесь оказываемся перед бесконечно деструктивным процессом с обеих сторон: нарциссичная и истеричная женщина пытается восстановить свой образ и конституировать себя как символический объект желания (фаллос) через другого; мужчина, подчиняясь уже логике мужского фантазма, пытается ею завладеть, в болезненном повторении отражает ее. В «Этике психоанализа» [8], анализируя феномен куртуазной любви и роли в ней Прекрасной дамы, Лакан говорит, что объект желания может быть достижим только частично, им «овладевают» лишь в акте перманентного откладывания. Женская субъективность создается мужским желанием циклически через серию всевозможных обходных маневров. Удовольствие возможно только как предвкушение или как предудовольствие, как удовольствие желания (*leplaisirdedesirer*). Что, собственно, и реализует Настасья Филипповна, мечущаяся между мужчинами.

Таким образом, жгучая смесь истеричности и нарциссизма является залогом непреодолимой сексуальной привлекательности, которая ударяет в головы окружающим этих персонажей мужчинам, однако они не объясняют рокового, смертоносного эффекта этой привлекательности. И здесь мы бы хотели особенно задержаться на том, как вводятся данные персонажи в повествование.

Роковая женщина Настасья Филипповна впервые является перед читателем и князем Мышкиным посредством сладострастного рассказа Рогожина. Рогожин сам узнает о ней в свое время из пересказа. К тому моменту, как князь Мышкин встречает ее в дверях дома Иволгиных, в дискурс о ней вовлечены уже все. Схожая история происходит и с Грушенькой. Центральным персонажем романа «Братья Карамазовы» Достоевский в авторском предисловии обозначает Алёшу, и большинство героев нам даны сквозь призму его видения. Алёша встречает Грушеньку, и в нем поначалу борются все те образы, которые он имел с подачи отца и брата, и то, что он в некотором недоумении обозначает для себя как «самое обыкновенное и простое существо на взгляд, – добрая, милая женщина, положим, красивая, но так похожая на всех

других красивых, но «обыкновенных» женщин» [9. С. 188]. Как видим, *femme fatale* у Достоевского всегда вводится через речь мужчины. К тому моменту, как героини появляются на сцене, о них уже много с упоением и страстью говорят. Этот аспект речи мы полагаем решающим фактором в формировании конструкции *femme fatale* и предлагаем рассмотреть его в свете лакановского концепта наслаждения, который он наиболее подробно развивает в семинаре «Encore» 1972/73 гг. [10].

Лакановская концепция наслаждения (*jouissance*), выраженная им в несколько парадоксальной форме в знаменитой фразе «Сексуальных отношений не существует» напрямую связана с понятием симптома. Психиатрик лакановской школы, основатель *Séminaires Psychanalytiques de Paris* Хаун-Давид Назсио в «Пяти лекциях по теории Лакана», так поясняет работу симптома: «Симптомы по сути являются болезненными проявлениями внешне болезненных действий, которые совершают с чувством глубокого отвращения.

Но если «для меня симптом означает, главным образом, претерпевание означающего, то для бессознательного, наоборот, он означает наслаждение удовлетворением» [11. С. 20]. Иначе говоря, бессознательное наслаждается там, где человек страдает. Симптом одновременно и боль, и облегчение. Освобождающий эффект симптома в теории Лакана становится одной из основных форм наслаждения. Говоря о наслаждении, необходимо выдержать аналитическую позицию и не путать лакановское *jouissance* с оргазмическим удовольствием, которое так часто в обыденной речи это слово маркирует. Сама лакановская концепция наслаждения вытекает из фрейдовского тезиса о способе существования психической энергии. По Фрейду, человек охвачен неосуществимым стремлением достичь абсолютного и безграничного счастья, одной (но не единственной) из масок которого является сексуальное удовольствие от совершенного инцеста. Это желание вернуться в райское ощущение симбиотического единства с объектом любви порождает болезненное состояние напряжения психики, потому что встречается с запретом культуры. Запрет провоцирует вытеснение. Чем сильнее что-то вытесняется, тем больше напряжение. Напор желания, столкнувшись с вытеснением, идет двумя путями: путем частичной разрядки через симптом (сон, слово, компульсивное действие) и путем накапливания остаточной энергии и постоянного повышения внутреннего напряжения. Есть еще и третий, чисто гипотетический путь – разрядка, производимая без помех со стороны вытеснения. Этим трем путям соответствуют три типа наслаждения, по Лакану. Фаллическое наслаждение соответствует той энергии, которая может рассеяться за счет разрядки. Эффектом этого вида наслаждения становится частичная разрядка. Прибавочное (*plus-de-jouir*), оно же остаточное наслаждение, – то наслаждение, которое, не будучи выведено вовне, постоянно увеличивает напор внутреннего напряжения. Оно всегда так или иначе остается связано с телом. И, наконец, наслаждение Другого, которое субъект лишь предполагает у Другого, это идеальное, невозможное и недостижимое счастье. Наслаждение Другого, будучи вещью сугубо гипотетической, может принимать самые различные формы. Для ребенка – мистическая форма инцеста, для истерика – безумие, для невротика навязчивости – смерть. Все это в конечном итоге является фигурами вымысла и фантазма, грезами, которые поддерживают же-

ление, так как окончательное снятие напряжения возможно только в смерти, потому и всякое влечение есть влечение к смерти.

Женщина дана мужчине в двух регистрах: в регистре Воображаемого и регистре Символического, т.е. речи. Провоцируя в нем желание, истеричка пребывает в некотором недоумении, что он пасует перед ней и вынужден ее слушать, так как «Женщины» (*Lafemme*) как отдельного означающего, противостоящего фаллосу, т.е. мужскому означающему, попросту нет. У нее нет того, чем она могла бы повергнуть мужчину в то замешательство, страх и трепет, которые так подробно описывает Достоевский в своих героях-мужчинах. Женщина не понимает, почему мужчина начинает ее требований слушаться. В работах Фрейда именно в этот момент и рождается истеричка, фантазирующая на тему, а точно ли она женского пола. Слишком часто эту символическую мужскую кастрацию приписывают некому генитальному элементу, генитальному интересу. Действительно, влюбленный мужчина – кастрат, так как он во всей мере ощущает свою неполноту и жалкость перед существом, казалось бы, не наделенным никакой властью. Что же его может привлекать? Мужчина, защищаясь от своей неполноты, начинает фантазировать о проституированности женщины (Настасья Филипповна и Грушенька – кокотки, содержанки), дорисовывая у нее то, чем она не обладает. Однако эта защитная фантазия никоим образом не разрешает ситуацию с ее недоступностью его желанию. И вот здесь-то мы в полной мере сталкиваемся с волей рока. Добываясь от нее либидного, более того, генитального ответа, он, во-первых, упирается в стену ее нарциссизма (она ему ничего не собирается отдавать, ибо и отдавать нечего – ее агрессивное либидо работает на самосохранение и поддержание собственного образа за его счет), во-вторых, растущее напряжение требует выхода, причиняя ему страдание. И тогда он начинает о ней говорить. Неприкрытым сладострастием, например, сочится речь Дмитрия Карамазова: «У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался. Видел и целовал, но и только – клянусь!» [7. С. 151–152]. Дмитрий в речи пытается овладеть недоступной женщиной, расчлняя ее по частям. Чем сильнее страдание, тем ярче и выразительней речь, но речь никоим образом не приближает к объекту, хотя, как видим, она и весьма тактильна, и мужчина вынужден повторять свой акт высказывания еще и еще раз, вступая в круг болезненного повторения. Даже если рассмотреть вариант, что женщина наконец достается мужчине физически, то и тут его ждет неудача, так как она все равно дана ему «не вся», как выражается Лакан. Навязчивое повторение лежит по ту сторону принципа удовольствия и в конечном итоге по ту сторону символического порядка. Речь, символическое наталкиваются на свой предел. Именно эту точку Лакан считает местом столкновения с тем, что он в своей топике называет Реальным. Реальное нельзя представить, увидеть и описать, поэтому встреча с Реальным невыносима, поэтому нарциссичная истеричка и становится той самой *femme fatale*.

Подводя итог, можно сказать, что конструкция *femme fatale* – это феномен, порожденный наслаждением речи, оттого так популярен этот образ в художественной литературе, письме, которое, по словам Ролана Барта, есть «наука о языковых наслаждениях, камасутра языка» [12. С. 464]. Являя собой один из ликов Прекрасной дамы, *femme fatale* недоступна мужскому желанию,

поэтому единственное наслаждение, которое он может себе позволить, – это фантазм и наслаждение речи. Однако, говоря о женщине, стремясь к всеполноте наслаждения, мужчина ставит на кон свою субъектность, так как наслаждение всеполноты или наслаждение Другого оказывается вне поля воображаемого и символического, а только в них и может существовать субъект. Желанная встреча, по Лакану, заканчивается безумием или смертью, что с виртуозностью нам и демонстрирует Достоевский в сцене после убийства Настасьи Филипповны Рогожиным. В своих героинях Достоевский с чутьем психоаналитика фиксирует механизм, запускающий выговаривание симптома и наслаждение речи – истеричность и нарциссизм, которые провоцируют желание обладать и одновременно не допускают его реализации, заставляя героев-мужчин кружить вокруг объекта желания в бесконечном повторении и вовлекая в это кружение все новых и новых жертв. Означающие цепляются за означающие, обретая ось вращения в символическом фаллосе – роковой женщине.

Список источников

1. Лейбин В.М. Психоаналитическая традиция и современность. URL: <https://psy.wikireading.ru/23597> (дата обращения: 6.05.2021).
2. Лакан Ж. Психозы (Семинар, Книга III (1955/56)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос, 2014. 432 с.
3. Сохань И.В. *Femme fatale* – роковая загадка // Человек. 2013. № 5. С 60–74.
4. Женщина – фаллос, или Истерия как основа трансформации института брака. URL: <https://psy.media/zhenschina-fallos/> (дата обращения: 6.05.2021).
5. Жеребкина И. «Прекрасная дама» (к вопросу о конструктах женской субъективности в России) // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / ХЦГИ. Харьков, 1998. С. 223–241. URL: <https://a-z.ru/women/texts/damar.htm> (дата обращения: 28.03.2021).
6. Иванец Н.Н., Тюльпин Ю.Г., Кинкулькина М.А. Психиатрия и медицинская психология: учебник. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 896 с.
7. Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского. СПб.: Гиперион, 2011. 399 с.
8. Lacan J. *Le séminaire. Volume 7, L'éthique de la psychanalyse: 1959–1960* / Texte établi par Jacques Alain-Miller. Paris: Le Seuil, 2019. 544 p.
9. Достоевский Ф. Братья Карамазовы // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1958. Т. 9.
10. Lacan J. *Le séminaire. Volume 20, Encore (1972–1973)*. Paris: Le Seuil, 1999. 186 p.
11. Назшо Х. Пять уроков по теории Жака Лакана. М.: ИОИ, 2016. 178 с.
12. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Ролан Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс: Универс, 1994. 615 с.

References

1. Leybin, V.M. (n.d.) *Psikhoanaliticheskaya traditsiya i sovremennost'* [Psychoanalytic tradition and modernity]. [Online] Available from: <https://psy.wikireading.ru/23597> (Accessed: 6th May 2021).
2. Lacan, J. (2014) *Psikhozy (Seminar, Kniga III (1955/56))* [Psychoses (Seminar, Book III (1955/56))]. Translated from French by A. Chernoglazov. Moscow: Gnozis: Logos.
3. Sokhan, I.V. (2013) *Femme fatale – rokovaya zagadka* [Femme fatale – a fatal mystery]. *Chelovek*. 5. pp. 60–74.
4. PSY.media. (2018) *Zhenschina – fallos, ili Isteriya kak osnova transformatsii instituta braka* [Woman – phallus, or Hysteria as the basis for the transformation of the institution of marriage]. [Online] Available from: <https://psy.media/zhenschina-fallos/> (Accessed: 6th May 2021).
5. Zherebkina, I. (1998) “Prekrasnaya dama” (k voprosu o konstruktakh zhenskoy sub"ektivnosti v Rossii) [“A beautiful lady” (on the constructs of female subjectivity in Russia)]. In: *Gendernye issledovaniya: feministskaya metodologiya v sotsial'nykh naukakh* [Gender studies: feminist methodology

in social sciences]. Kharkov: KhTsGI. pp. 223–241. [Online] Available from: <https://a-z.ru/women/texts/damar.htm> (Accessed: 28th March 2021).

6. Ivanets, N.N., Tyulpin, Yu.G. & Kinkulkina, M.A. (2014) *Psikhiatriya i meditsinskaya psikhologiya* [Psychiatry and medical psychology]. Moscow: GEOTAR-Media.

7. Nakamura, K. (2011) *Slovar' personazhey proizvedeniy F.M. Dostoevskogo* [Dictionary of characters in F.M. Dostoevsky's works]. St. Petersburg: Giperion.

8. Lacan, J. (2019) *Le séminaire*. Vol. 7. Paris: Le Seuil.

9. Dostoevsky, F. (1958) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 9. Moscow: Gos. izd-vo khud. literatury.

10. Lacan, J. (1999) *Le séminaire*. Vol. 20. Paris: Le Seuil.

11. Nazio, H. (2016) *Pyat' urokov po teorii Zhaka Lakana* [Five lessons on the theory of Jacques Lacan]. Moscow: IOI.

12. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress: Univers.

Сведения об авторах:

Семенюк К.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (Томск).

E-mail: marcelp@yandex.ru

Семенюк А.П. – доктор философских наук, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (Томск).

E-mail: apsemenyuk76@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Semenyuk X.A. – Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: marcelp@yandex.ru

Semenyuk A.P. – Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: apsemenyuk76@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 15.05.2022.*

*The article was submitted 01.12.2021;
approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 15.05.2022.*